

Не под своей звездой

Светлана Михайлова

18+

Светлана Михайлова

Не под своей звездой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334722

SelfPub; 2024

Аннотация

Сколько обид и предательств способно вынести сердце младшей сестры? Есть ли предел человеческой любви и сострадания? Это рассказ, собранный из воспоминаний о брате, общем доме, одиночестве и жизни внутри зависимости.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 3.	24
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава последняя	45

Светлана Михайлова
Не под своей звездой

Глава 1

Он развалился в кресле и смотрел МУЗ-тв. По его позе, выражению лица и тому, как стояла чашка, я считала доброе расположение: можно попробовать поговорить. Он увидел меня и расплылся в улыбке.

Я присмотрелась – зрачки спокойные.

Когда мы виделись в последний раз, его широко открытые глаза напоминали два ёлочных шарика – такие же неподвижные, матовые и пустые. Веки медленно скатывались по ним и с усилием поднимались, словно пытались протереть подкумаренный налёт. А сейчас передо мной сидел человек с ясным живым взглядом. Он смотрел на меня ровно и заинтересованно, без тени беспокойства или чувства вины, не ожидая ни нападения, ни агрессии. Он зевнул и поднял брови, как бы спрашивая, что я здесь делаю. Но вместо приветствия я тупо уставилась на него, быстро перебирая в голове фразы, как индексные карточки в ошибочно открытой картотеке. Вся моя тщательно продуманная речь растворилась, все пункты претензий и обоснований стёрлись и улетели ровно в тот момент, когда я его увидела. Всё дело в том, что когда я планировала разговор, то представляла маленькую и

беспомощную фигуру человека, лишённого воли. Но теперь передо мной сидел мой брат, каким я знала его всю жизнь. Хищный и плутоватый. Я почувствовала, как уменьшаюсь в росте.

Мы смотрели друг на друга, и каждый чего-то ждал. Ситуация напоминала шахматную партию, когда следующий ход зависит от хода соперника. Я улыбнулась в ответ, и он заговорил первым. Игра началась.

- Здорово, давно не виделись! Как сама?
- Устала. Три часа в дороге. Как себя чувствуешь?
- Пойдёт.
- Есть хочешь? Купила по дороге пирожки.
- Хочу. Пошли кофе варить.

Беседа потекла легко. Я рассказала, как в электричке невыносимо жарко, и люди предпочитают ехать стоя в тамбуре лишь бы не дышать друг другом; пожаловалась, как непросто найти в Москве приличную квартиру за мой бюджет. Брат пытался развеселить меня историями про соседей: кто переехал, кто женился, кто подрался. Потом мы пили кофе, ели пирожки и вспоминали общих знакомых.

Время шло, и я начала ёрзать, не зная, как перейти к главному. Мне не хотелось повышать градус разговора, но я при-

ехала для того, чтобы понять, как мне дальше жить. Мне нужен был этот разговор. И если выразаться метафорами, это было самое подходящее время, чтобы ввести в игру самую сильную фигуру. И пусть дальше как пойдёт.

Я начала с того, что спросила о его дальнейших планах. Он охотно ответил. Планы как планы: найду работу, соберу денег, уеду отсюда. Всё как всегда.

– Мне нравится твой настрой, – я наблюдала, как он отстукивает ритм пальцами по стулу. И наконец решилась. – Слушай, а как мы с тобой будем дальше жить?

– Да как... Как раньше, – через длинную паузу ответил он. А потом посмотрел на меня и догадался, что такой ответ не будет засчитан. – Всё нормально, правда. Я завязал.

Ритмичный стук пальцами о стул затих. Я выдохнула напряжение: кажется, ссоры не будет. Он отпил кофе, закурил, прикрыл от дыма глаза и продолжил говорить.

– Ты – мой последний оставшийся адвокат. И если ты мне не поверишь, то я сам себе уже не поверю.

Конечно, я поверила. Как всегда. Родной человек заслуживает второй шанс. Десятый шанс. Сколько угодно шансов,

пока не исчерпает всё из бездонного колодца. А я знала, что внутри меня ещё плещется живая вода, способная на прощение.

В его глазах появилась такая тяжесть, от которой хотелось расплакаться. Я знала, что он никогда не будет просить прощения или оправдываться. Но этого взгляда мне было достаточно, чтобы самой простить его. В этот момент я почувствовала удовлетворение, что приехала не зря, мне стоило самой убедиться в его состоянии, увидеть, как он с аппетитом ест и живо разговаривает. Как раскачивается в его теле энергия жизни. Я была довольна собой, что решила приехать и поговорить, не взирая на обиду и нежелание видеться. Кажалось, эта партия будет за мной.

Дальше мы посмотрели клипы, поболтали о пустяках, посмеялись – всё как раньше. А потом он собрался и ушёл по делам. До моей электрички оставался час.

Вдруг где-то внутри я ощутила зудящую ноющую рану – что-то здесь не так. Если тебя год за годом лупят по одному месту, то уже при виде замахнувшейся руки это место начинает болеть.

Шах.

Я проверила рюкзак – всё на месте. Залезла в кошелёк. Пусто. Сердце оборвалось, упало в живот, разрослось и перекрыло жизнедеятельность: ни дыхания, ни сердцебиения, ни слёз. Всё вынуто. Последние деньги. Даже на проезд не оставил.

Мат.

Я знаю, что человеку тяжело выбраться из этого ада в одиночку, нужна рука, которая не отцепится в самый страшный момент. И я всегда была готова взять его за руку, когда все остальные отвернулись, и нет поддержки от друзей и родителей. Мне хотелось верить, что когда мне самой нужна будет помощь или хотя бы ощущение близкого человека рядом, он протянет мне свою руку. И однажды он взял меня за руку.

Глава 2

В соседней комнате гремела музыка. Хотя музыкой этот шум сложно назвать. Казалось, кто-то завёл дрель и долбит ею в металлический люк, а в перерывах его безудержно и неистово тошнит. Это играл black metal. Однажды брат включил магнитофон и дал мне послушать музыкальный альбом, сводящий с ума. Сводящий с ума не в том смысле, что музыка заставляет забытья в экстазе, а в прямом смысле слова – у людей ехала крыша. Так о нём говорили. Я слушала этот альбом и пыталась угадать среди гитарного брызжания другие звуки: стук падающих с горы камней, крики умирающего, рычание собаки. Брат объяснил, что рычание собаки называется «гроулинг», и никакая это не собака вообще, а разрывающаяся звуками гортань вокалиста. С ума я не сошла, но спала плохо.

И вот новогодняя ночь. В соседней комнате кто-то гроулил и ронял камни из колонок, а мы с братом сидели в родительской спальне и думали, как выгнать гостей. Он давно протрезвел и хотел только одного – тишины. А ещё ему было жалко меня, ведь я оказалась заложницей этого пьяного дебоша. Уйти мне было некуда, это был мой дом. Мой дом, который на время стал впиской для яростно пирующих длин-

новолосых парней и девчонок.

В то время мы жили вдвоём. Мама много работала, а почти всё свободное время проводила у своего друга. Отец жил с новой семьёй. Я заканчивала школу, брат учился в институте, а по вечерам мы встречались на маленькой кухне и разговаривали о жизни. Двери нашей квартиры всегда были нараспашку; мы жили в ожидании звонка в дверь, кто-то обязательно заходил, а иногда целой толпой, и тогда прихожая наполнялась кожаными куртками и кофрами электрогитар.

Мне было интересно наблюдать за этими ребятами с чёрными неопрятными волосами. Образованные, начитанные, обладающие свободной и богатой палитрой речью; они разговаривали о музыке, философствовали, пили много кофе и курили, держа сигаретку в тонких длинных белых пальцах, какие бывают только у музыкантов и врачей. Мой брат изменился в этой компании: отрастил волосы, одевался во всё чёрное, полностью сменил круг общения и диапазон интересов. Изменилась даже его походка. Эта по началу чуждая для меня субкультура сдружила нас, появились общие темы для разговоров, знакомые. Даже краска для волос была одна на двоих. Иссиня-чёрная «Фара».

Брат играл в музыкальной группе и часто брал меня с собой на репетиции, где я была единственным зрителем. Сидя

на полу среди экзотичных «комбиков», «джеков» и «усилков», я замороженно наблюдала, как на фоне убогих обоев в цветочек извивались и сокращались красивые молодые тела в такт тяжелым гитарным рифам.

Новый год. Пришли наши друзья. За друзьями потянулись знакомые. Знакомые привели знакомых, а те своих знакомых. Уже незнакомых. Гости размножались фантастически быстро. Прибывающие приносили с собой снедь: закуски, салаты, бутерброды, икру, соленья, варенья, выпечку.

Пока вечеринка держалась на контролируемом уровне, я ещё пыталась сохранить остатки гостеприимства, но потом, когда праздник превратился в сборище незнакомых пьяных людей, мне захотелось исчезнуть. После полуночи началась вакханалия: люди пили, орали, били посуду, рыгали в туалете, бегали голые.

Я решила одеться и выйти на улицу посмотреть фейерверки. Но тут моё внимание привлекла маленькая ёлочка у телевизора. Моя детская ёлочка. Хрупкое зелёное создание стояло без наряда, её пластмассовые игрушки валялись на полу, Дед Мороз разбит, а верхняя половина его туловища наде-та на макушку на манер красной звезды. Ветки кое-где покрывали нитки серебристого дождика, словно она хоть как-то пыталась прикрыть наготу оборванной одеждой.

Позади ёлки стояли рамки с фотографиями: я на руках у мамы, маленький брат с крокодильчиком, бабушка с бабушкой. Кто-то взял эти рамки, перевернул фотографии и поставил всех вниз головой. Меня, маму, брата, бабушку и бабушку.

Вдруг кто-то резко толкнул меня в бок, и я почувствовала, как сверху сваливается пьяное тело незнакомого человека.

«Садись на меня, я тебя покатаю, как лошадка, – приказало незнакомое тело. – А ты кто такая? Какие у тебя глазки!». И оно потянуло ко мне руки.

К счастью, тело было настолько пьяное, что мне даже не понадобилось с ним бороться, от лёгкого удара он просто стёк на диван и тупо уставился в одну точку. Я забежала в мамину комнату и наткнулась на двух растрёпанных девиц, которые как раз оттуда выходили. Было темно и накурено. Похоже, девицы использовали мамину комнату как раздевалку: на стуле комочком повисли кофты, а в воздухе застряло облако сладкого парфюма с ароматом общежития.

Я зарылась в одеяле и подумала, что хуже Нового года у меня уже не будет, и впервые в жизни мне захотелось, чтобы праздник скорее закончился. Я мечтала, чтобы прямо сейчас появились родители и выгнали к чертям девиц, лошадку, всю

толпу на балконе, разогнали бы тусовку на кухне, собрали и выбросили им вслед весь новогодний стол. А потом мы бы вчетвером сели за стол, съели приготовленные мамой салаты, посмотрели «Старые песни о главном»; родители бы обязательно танцевали, а к маминому каблуку пристал бы дож-дик и волочился за ней всю ночь, как старый поклонник.

В комнату пришёл брат, лёг рядом, взял меня за руку и молча смотрел, как будто просил прощения за всё это безумие. Потом я слышала через дверь, как он ссорится с гостями. Шумная масса забурлила и забулькала возражениями. Но, к счастью, кое-кто из наших знакомых подключился помочь, и совместными усилиями толпу вытолкали за дверь. Мне почему-то стало очень смешно. Я представила, как на мороз отправились растрёпанные, пахнущие общежитием, девицы, нелепый человек-лошадка с застывшим взглядом и тот урод, кто испортил мою ёлочку и перевернул наши фотографии.

Когда все ушли, мы встретились с братом в коридоре и отправились осматривать поле битвы.

Первое, что я заметила в комнате с застольем, это – висющую на занавеске дольку лимона. Как интересно. Почему она закрепилась и висит? Как она попала на занавеску? И тут же я увидела залитую вином стену: от потолка до пола

всё было в бордово-красных пятнах, словно комната не выдержала грохота бесноватой пирушки и разрыдалась кровавыми слезами.

Кухня представляла собой ещё более тоскливое зрелище. Трехногий табурет лежал у входа, а четвёртая нога торчала из глубокого блюда – как будто кто-то накладывал ею холодец. Фигус изъяли из горшка и воткнули в миску с огурцами, а в самом цветочном горшке из свежей земельной ямки торчали окурки.

Всю оставшуюся новогоднюю ночь мы убирались. И уже ближе к утру уселись вдвоём перед телевизором в чистенькой проветренной кухне с полными тарелками свежей еды из холодильника, куда никто не догадался сунуться.

– Это был самый отвратительный Новый год в моей жизни, – прохрипела я. От нечеловеческой усталости у меня даже голос изменился.

– Представляю, как мама будет завтра орать, когда увидит комнату, – брат замер, глядя в окно, как будто предвидел будущую сцену.

– Сама виновата! Надо было дома остаться.

– Да забей, – он сделал затяжку и выпустил струйку дыма в сторону фикуса, вернувшегося в горшок, – родителей не выбирают.

Он потянулся за пультом, чтобы переключить канал. Потом шмыгнул носом и задумчиво, держа сигаретку в уголке рта, продолжил говорить.

– Родителей не выбирают, зато выбирают музыку и фильмы. А ещё выбирают книги, разговоры, даже мечты люди выбирают сами. То есть мы с тобой сами решаем, что впустить в нашу жизнь.

– Тогда я решаю больше не впускать в свою жизнь этих волосатых засранцев!

Он улыбнулся и прищурил косой глаз.

В коридоре послышался звук открывающегося ключом замка – мама вернулась. Тяжёлым ватным одеялом навалилось плохое предчувствие. Мне было хорошо знакомо это переживание, когда ты слышишь, как поворачивается замок, открывается дверь и ты знаешь, что сейчас будет скандал. Неизбежно. Я научилась различать по звукам открывающейся двери человека и его настроение: механизм звучал по-разному, в зависимости от того, кто и как открывал дверь. Уставшая после работы мама поворачивала замок неспеша, два оборота спокойно и маленькая пауза перед третьим. Вернувшийся с гулянки отец сперва долго искал ключом замочную скважину, а потом крутил замок два раза в одну сторону, потом дважды в другую, дёргал дверь, пока не находил

правильную комбинацию.

А бывало наоборот: возвращаешься из школы, несёшь домой полную фантазий голову, открываешь дверь, а тебя встречает едкий запах тревоги. И девичьи мечты тлеют, как сгоревшая бумажка. Здравствуй, реальность!

Глава 3

Я открыла дверь и почувствовала запах чего-то едкого. Что это? Аммиак, уксус, какая-то химия.

Брат был дома не один.

На кухне расположился его друг. В то время они были неразлучны. Даже вместе взяли в кредит автомобиль и по очереди катались на нём. Ярко-вишнёвый седан, наряженный в колпаки и спойлер. Мы прозвали его «Вишенкой».

«Вишенка» была всеобщей любимицей. Помню, как в компании двух одинаковых «двенашек» она из последних сил ехала по берегу Волги, где не было никакой дороги, только кочки и кусты. Мы выбрались с берега на дорогу, и машина радостно зарычала, как бы в благодарность за выбранный маршрут. Я ехала на пассажирском сиденьи и вдруг посмотрела на брата: одну из его длинных прядей поймал ветер и игрался с ней, крутя волосы, как пропеллер. От этой картины я залилась смехом. Брат увидел в зеркале вращающуюся лопасть у себя на голове и заржал в голос. Мы так и ехали в слезах и с пропеллером.

Машина прожила полгода. Однажды ночью нас разбудил оглушающий грохот. Мама, брат и я прибежали в озарённую жёлтым светом комнату и в ужасе уставились в окно: посреди двора полыхала огнём и стремительно погибала «Вишенка». Её обугленный скелет потом ещё несколько месяцев стоял во дворе, каждый день напоминая о той проклятой ночи.

Друг спал на кухне, положив руки и голову на стол. Брат, видимо, был у себя. Я вернулась с учёбы раньше обещанного, они явно не рассчитывали застать меня дома.

Я поставила чайник и села напротив спящего парня. Какой красивый! В его улыбку влюблена моя подруга. У него такие точёные черты, словно кто-то гениальный взял ластик и стёр всё лишнее, оставив только образец человеческого лица. Когда он улыбается, лучики непременно отходят от его глаз, как будто нет на свете никого добрее. А улыбка, как сонный ленивый кот, расплзается от одной ямочки к другой.

Я налила чай и пошла в свою комнату писать курсовую. Работа не шла. Буквы расплывались по странице, сознание растекалось по комнате. Мне было так беспокойно, что мозг отказывался фокусироваться на смысле фраз. Я прислушивалась к звукам и чего-то ждала.

Вдруг на кухне зашуршало. Очнулся друг моего брата. Я поколебалась, но все-таки решила зайти на кухню поздороваться. Мне хотелось, чтобы он знал, что я дома и всё знаю.

Когда я вошла, мы встретились взглядом, но он тут отвернулся. Кажется, это уже отработанная привычка – прятать глаза. Но одной секунды мне было достаточно, чтобы заметить те самые непривычно голубые, прозрачные глаза, с красным узором и чёрной точкой посередине. Я сделала вид, что пришла вернуть на место кружку.

«Приветкакдела?» – спросила я скороговоркой. «Привет, Светик, я уже ухожу», – ответил он и засуетился. «Хорошо, только оставь брата дома, мне так спокойнее».

Он ушёл и больше мы не виделись. Через несколько месяцев парень умер у себя дома. Его нашла мама.

Я зашла в комнату брата. Не заперто. Шторы задёрнуты. Он сидел на самом краешке кровати. Он согнулся пополам так, что голова лежала на коленях. Скрещенные руки были прижаты к туловищу, и вся поза напоминала человека, у которого нестерпимо болит живот. Я тихонько его позвала. Но вместо ответа, вся его фигура съехала на пол и замерла в той же позе. Я обомлела от осознания того, что человеческое тело так умеет: стечь и замереть, как кусок эластичной рези-

новой ленты. Потом его корпус медленно поплыл вперед и замер в другой ещё более неестественной позе.

Я приоткрыла окно и ушла к себе. Мне стало как будто спокойнее от того, что он дома.

Спустя полчаса в коридоре послышались шаги. Он шёл на кухню, но на секунду задержался около моей двери. Потом я услышала, как шлёпает дверца холодильника, как на плитку ставят что-то металлическое, как затрещало и зашипело содержимое кастрюли.

Внутри меня тоже всё затрещало и зашипело. Страх и тревога сменились гневом. Мне было ужасно обидно, что я не могу чувствовать себя в безопасности в собственном доме. Я как будто всегда нахожусь на стрёме и пытаюсь контролировать то, что не должна бы. Я вошла на кухню.

– О, привет, ты дома? – он бросил на меня быстрый взгляд.

– Пары отменили из-за ремонта, – я старалась держаться как обычно, но волна неконтролируемой злости начала нарастать. – Зачем ты жарить макароны в кастрюле? Они же пригорят. Возьми сковородку, пожалуйста!

– Чего ты пришла? Иди отсюда! – с раздражением выпалил он.

Я обычно знала, когда нужно замолчать, но слова вырвались, как из нагноившейся раны. Невозможно сохранять спокойствие, когда в соседней комнате стоит канистра с бензином, над которой тлеет огонёк, готовый в любой момент устроить адское пламя и унести с собой на тот свет всех, кто рядом.

– Мама сказала, ты унёс бабушкино кольцо. Ты знаешь, сколько оно стоит? И сколько бы тебе за него не предложили, оно стоит намного дороже. Оно вообще бесценное, потому что бабушкино, – я перешла в наступление.

– Света, уйди... – процедил он сквозь зубы.

– Слушай, ты, ничтожество! Ты превратил свою жизнь в ад и захватил меня за компанию! Твоя жизнь уже ничего не стоит. А я хочу себя спасти. От тебя, урод! – я бросала в него обвинения и уже не видела красной кнопки «стоп».

Макаронны продолжали подгорать и подпрыгивать. Я рванула, чтобы сдвинуть кастрюлю с плиты, но она сделала оборот и съехала прямо ему под ноги. Он с криками отпрыгнул. И в следующий момент вилка, мешавшая горелые макароны, поднялась в воздух, сделала круг и вонзилась мне в ногу.

А потом я сидела у себя в комнате, рассматривала четыре одинаковые красные дырочки на ноге и думала, что спасать

обоих больше нет сил, пора спасать себя.

В тот вечер я собрала вещи и уехала к подруге. Этот дом навсегда перестал быть моим домом. С тех пор я много лет перемещаюсь из одного жилья в другое, но нигде не чувствую себя как дома. Как обречённый на вечные странствия путник ищу своё место, где в окна уютно заглядывает закат, а в лучиках солнца мерцают пылинки, и ты знаешь, что совсем скоро в комнату зайдёт бабушка и позовёт ужинать. Как когда-то давно в детстве.

Глава 3.

«Ужинать!» – позвала бабушка.

Родители привезли нас на выходные к бабушке и дедушке. Это был наш рай. Место вседозволенности. Вся квартира была в нашем распоряжении, и всё, чего нельзя дома, было разрешено здесь. Мы устроили из спальни штаб-квартиру черепашек-ниндзя: из мебели соорудили укрытие, а раскладушку разложили и поставили на так, чтобы она загораживала наши делишки от взгляда взрослых. Есть совсем не хотелось, поэтому бабушкин зов мы проигнорировали и остались сидеть в своём черепашьем доме. Я была Донателло. Брат – Рафаэль, с красной повязочкой на лбу.

«Дед дал мне несколько тыщ. Пошли в ларёк что-нибудь купим?» – прошептал заговорщицки брат.

«Нас сейчас не отпустят из дома», – прошептала я в ответ.

«Никто не заметит. Следуй за лидером! – распорядился брат и поправил повязку.

Нам было семь и одиннадцать. На дворе девяностые. Мы отправились к магазину, перед которым выстроились рядом пёстрые коробочки-ларьки. Брат купил целый карман «Тур-

бо», два «Сникерса», газировку и три мятные жвачки. И с этой добычей мы отправились во двор.

Бабушка с дедушкой жили на втором этаже. Все три окна квартиры выходили на детскую площадку. Площадка состояла из ржавой паутинки, качели (впрочем всегда сломанной) и полукруглой лестницы в форме дуги. Мы расположились на дуге и принялись рассматривать богатства.

Вдруг чья-то рука толкнула брата в спину, и он кубарем полетел на землю, как синий ёжик Соник из компьютерной игры.

– Откуда деньги, малолетки? – драным голосом произнёс стриженный налысо парень в джинсовке.

– Какие деньги? – испуганно промямлил брат, лёжа на земле.

– На которые вы жвачек накупали, придурок», – тон голоса становился жёстче.

– Дед дал..., – нехотя протянул брат, стряхивая траву со штанов.

– Дед дал, я забрал! Давай сюда что осталось! – и он принялся трясти брата за плечи, как будто деньги должны были из него посыпаться.

Был и второй парень, который всё это время молча стоял

возле меня. А когда лысый начал тузить моего брата, и я заплакала, второй подошёл ближе и взял меня на локоть. Чтобы не убежала.

Брат увидел, как меня схватили и крикнул: «Зови деда!». Мы стояли вчетвером прямо под окнами второго этажа, где мирно ужинали бабушка с дедушкой. Они обязательно услышали бы мой крик, но я молчала.

– Если крикнешь, я его сильно ударю, – пообещал бритоголовый.

– Зови деда! – повторил брат.

– Только позови – ему конец.

Голова брата болталась, как тюльпанчик на тонком стебле, он смотрел то на меня, то на лысого и беззвучно плакал. Из под кепки вылезла красная повязочка.

Деньги забрали.

Я помню странную сцену. Подонки решили проводить нас до подъезда. По-дружески. Можно подумать, по дороге с нами может приключиться какая-то беда, и они нас прикроют. И вот идём мы вчетвером, как заправские друзья, брат с бритым впереди, мы чуть подальше. И вдруг второй мне говорит: «Ты – молодец! Защитила брата. Была бы у меня такая

классная сеструха, как ты!» В тот момент я почувствовала, что это мой самый лучший друг. Как же здорово, что они нас проводили и даже приобняли на прощанье! Отличные ребята! Только спустя много лет я узнала что такое Стокгольмский синдром.

Я была ужасно счастлива, что с нами всё в порядке и мы возвращаемся домой играть в черепашек-ниндзя. Конечно, мы ничего не рассказали бабушке и дедушке, включили видак и весь вечер молча смотрели мультики. Лишь один раз брат посмотрел на меня и улыбнулся своей хитрой улыбочкой.

Глава 4

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Даже стоя внизу на улице, я рассмотрела в окне четвёртого этажа эту фирменную хитрую улыбочку.

Это было окно медицинского учреждения. Одно из двенадцати на четвёртом этаже. Бывают же такие Богом забытые здания! Обветшалые, унылые, покрытые кое-где плесенью; и на каком-нибудь балкончике непременно торчит молодая берёзка, как знак того, что людям пора бы отсюда убраться. Но вопреки желанию самого здания, люди здесь были. Это был Областной клинический противотуберкулёзный диспансер, стационар №1.

Я ждала брата на улице и рассматривала входную дверь. От нижнего края до самой середины её изуродовала ржавчина. Вся в рыжих барашках, с отогнутым краем, она лязгала и стонала, когда люди входили и выходили. Брат выскочил из ржавой двери бодренький и игривый. На нём мешком повисли явно чужие штаны, зато футболка была хорошо мне знакома, однажды я чуть не прижгла утюгом эту выцветшую надпись «Metallica».

«Привет, классное местечко!» – съехидничала я.

Мне стало весело на душе от того, что он сохранял бод-
рость духа в такой депрессивной обстановке.

«С туберкулёзом только на втором этаже лежат, – сказал брат. – У нас на четвёртом – неинфекционные, так что не бойся».

Мы отошли подальше от любопытных окон.

Сразу за зданием открывалась берёзовая роща. Меня удивил контраст между угнетающим облупленным зданием и очаровательным белоствольным парком. Я присела на бордюр спиной к тубдиспансеру и лицом к рощице, чтобы не видеть это навевающее тоску зрелище.

Несколько месяцев назад брат вышел из дома в одних тапках и пропал. Точнее сказать мы все знали, где он, но пропал он из собственной жизни. Как будто кино поставили на паузу и вышли покурить. Так и его жизнь стояла на паузе, пока он пребывал где-то между сном и реальностью. А когда вернулся, оказалось, что его лёгкие наполнены водой или каким-то другим жидким содержимым. И сразу из «Скорой помощи» его увезли сюда.

«Я привезла тебе брюки, носки, пару футболок, – сказала

я, не отрывая глаз от его нелепых штанов. – Ещё здесь зарядка и плеер. Я закачала тебе Металлику, Квинов, что-то из Перцев».

Он забрал пакет и буркнул что-то вроде «спасибо».

Потом мы переместились вглубь рощицы, немного прошли и присели на лавочку в окружении тонких берёзок. Там было так мирно и спокойно, что захотелось закрыть глаза и, как кот, растянуть лапки на солнышке.

«Я, кажись, умираю», – сказал он, зажмурившись от солнца.

А потом посмотрел на меня со своей плутовской ухмылочкой и закурил.

Перед уходом в больничный корпус он передел штаны, старые выбросил в урну и побрёл к себе на четвёртый этаж. А я уехала в Москву. И помню, как долго в ту ночь не могла уснуть, а когда провалилась в сон, мне приснилось, как я пытаюсь распутать наушники прямо в карманах. При том я точно знала, что они не работают.

Глава 5

Я надела наушники и поняла, что они не работают. Точнее одно ухо играло, а другое кряхтело и кашляло. На всю маршрутку пел шансон; водитель залихватски объезжал ямы на дороге, отчего на зеркале заднего вида как будто в такт музыке раскачивался ароматизатор. Два человека ехали стоя, хотя в маленькой газеле это неудобно и даже унижительно: стоишь нагнувшись, держаться не за что, смотреть можно только в пол, а в случае резкого торможения ты стремительно летишь кому-нибудь на ручки. Сама так ездила.

Поскольку наушники не работали, мне пришлось вместе со всеми слушать Михаила Круга. Вдруг до меня дотронулась чья-то рука.

«Привет! Домой?» – спросила меня девушка в плюшевом пальтишке, сидящая напротив. «Привет. Домой. А ты?» – я поникла от мысли, что нам вместе ехать и разговаривать.

Разговор получился натужным. Это была девушка моего брата, которая уже три месяца жила с нами. Она мне не нравилась. Раздражала и вызывала брезгливость. Я терпеть не могла её голос и манеру говорить, её наивное любопытство и

желание засунуть нос не в своё дело. Я знала, что она втихарию пользуется моими вещами и бесцеремонно таскает продукты с моей полки в холодильнике.

Брата всегда любили девчонки. Я не помню дня, чтобы он был одинок. Даже в самые тёмные времена кто-то ждал его звонка. Он умел нравиться: неконфликтный, весёлый, добрый. Внешне привлекательный. У него были огромные серые глаза, а один – с детства немного косой – кокетливо убегал в сторону, чем ещё больше притягивал девичье любопытство. Прямой нос, красивая улыбка, блестящие волосы. А ещё он с ранних лет занимался спортом, что сформировало его выносливое тело и уверенную, хотя немного развязную походку.

Была у него однажды красавица. Девушка с редким быстрым умом, всегда готовая выдать шуточку или уколоть ядовитой фразой. Она могла за одну минуту стать лучшей подругой, подарив один только комплимент. Он любил её безумно, а потом страдал, запивая горечь расставания поцелуями других девчонок.

Потом была девочка из интеллигентной семьи. В целомудренной белой блузке с кружевным воротничком. Он разбил ей сердце, а заодно и мне, потому что мы успели с ней подружиться.

Оказалось, что от неё он ушёл к разбитной хабалке. У нас с ней было необычное знакомство. Перед тем, как впервые увидеться, мы передавали друг другу приветы через брата. И вот однажды я решила пригласить её в театр, а потом пойти попить кофе. Меня встретила короткостриженная невероятной красоты девушка, с огромным разрезом на облегающем трикотажном чёрном платье, из которого выглядывало стройное бедро с татуировкой. Уже сидя на зрительных местах, я попросила показать, что за надпись красуется на её ноге. Она отвела с ноги платье, и я прочитала: «слон». «С малых Лет Одни Несчастья», – перевела новая девушка моего брата. После антракта мы сбежали из театра и пошли в бар, где работала её мама. Мама дала ей деньги на сигареты и купила нам по коктейлю. Помню, как сидя за коктейлем, девушка призналась мне, что подумала, что я чокнутая, раз пригласила её в театр. Оказалась нормальная.

А теперь вот она.

Она учится в техникуме на повара, носит на ногах синяки, а в ушах серёжки в виде кошечек. У нее рыжая копна волос, которая щедро одаривает наш дом оранжевыми клубками.

Несмотря на юный возраст, она оказалась опытной женщиной, о чём радостно мне рассказывала. По началу у меня

вызывали жалость её синяки, дешёвый парфюм и неопрятная сероватая пижама. А потом я уже откровенно раздражалась на обманчивую с кусками грубой лести попытку со мной подружиться. Она извивалась, как змея, в своих попытках сблизиться со мной: спрашивала про учёбу, просила разрешения взять мою косметику, сплетничала про их с братом отношения и, конечно, спрашивала про мою личную жизнь.

В тот день мы шли с ней с остановки, и я поняла, что не хочу домой. В моём доме живёт чужая женщина, неприятный для меня человек. Я по-честному старалась принять выбор моего брата, но у меня ничего не получилось. Я сдалась.

Брат готовил обед. На плите весело постреливала жареная картошка, в ковше варились четыре сосиски: две для него, две для неё. Он удивился, когда мы вошли вместе.

– Привет, подружки, – с явной издёвкой произнёс он, открывая бутылку пива. – Малыш, пойдём поедим.

– Слушай, можно тебя на пару слов? – меня разрывало от желания поговорить. – Или лучше после обеда?

– Говори, – отрезал брат.

– Мне не нравится, как я живу, – начала я осторожно, когда девушка удалилась мыть руки.

– Мне грустно это слышать, – сказал он и отхлебнул пиво.

– Это из-за неё... – я зашла в вольер с тигром.

– Твои проблемы, – ещё один глоток из стакана.

– Конечно, мои. Это и мой дом тоже! – я показала тигру палку.

– А это – моя женщина! И она со мной живёт, – тигр увидел палку и разозлился.

– Я хочу, чтобы мы жили отдельно. Раз-дель-но! – палка опустилась тигру на голову, отчего в его глазах заплясала ярость.

– Ну так вали отсюда!!! – крикнул он так громко, что из ванной высунулась рыжая копна узнать, что случилось.

Всё-таки надо было поговорить после обеда.

Когда на кухне стих стук вилок о тарелки, а тапки девушки прошлёпали в комнату, я пришла с новой попыткой.

– Можно я скажу? Не перебивай, пожалуйста. Мы живём с тобой, как соседи. У вас с ней своя жизнь, у меня – своя. И всё вроде нормально, мы не ругаемся, мирно делим холодильник, но каждый из нас чувствует неудобство. Согласен? Это как слушать музыку с одним сломанным наушником: вроде всё слышно, но слушать не хочется... Кто-то лишний. Или я, или она. Мы можем и дальше делать вид, что всем приятно завтракать по утрам за одним столом, или я могу продолжать молча терпеть ваши шумные свидания, или ты будешь вынужден каждый раз занимать чью-то сторону...

слушай, кто-то должен уйти.

– Уходи.

И я ушла.

Глава 6

Я ушла из школы после обеда.

Во втором классе мне доверили ключ от квартиры, так что я могла самостоятельно возвращаться домой. Школа была рядом домом, минут семь быстрой ходьбы.

Когда домой не хотелось (а такое случалось нередко), я шла гулять в небольшой скверик, где росли молодые деревья. Бывало приду навестить своих белоствольных друзей, а они стоят по колено в воде – снег растаял, а уходить не хочет. Тогда я отковыривала кусочки льда и «кормила» ими деревья. Заботилась.

В тот день я спешила домой. Я знала, что брат вернулся из школы пораньше и ждёт меня дома, чтобы вместе пойти на горку.

Мы жили в доме для неслабонервных. Кому-то при строительстве пришла в голову идея выкрасить стены подъезда в мрачный тёмно-бордовый цвет. Это при том что холлы и коридоры просторные, окон нет, и на всю эту площадь горит одна единственная тусклая лампочка через разбитый пла-

фон. Пожарная лестница шла отдельно от лифтов, ей редко пользовались жильцы, зато облюбовали бомжи и наркоманы.

Я зашла в тёмный подъезд, пытаюсь рассмотреть ступени; глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к мраку после яркого зимнего дня. И только когда двери лифта открылись, я услышала, как кто-то позади меня крикнул. Это был высокий молодой человек в форме военного. Мохнатая шапка, длинное серое пальто, пояс, кожаные перчатки.

Он зашёл за мной в лифт. Я нажала на четвёртый этаж, двери сомкнулись, и мы поехали. И когда лифт почти поднялся на четвёртый, я увидела, как палец в кожаной перчатке нажимает кнопку «стоп».

Стоп.

Да, конечно, меня учили не заходить в лифт с незнакомцами. Но ситуация так быстро развернулась, что я не успела среагировать, в то время как мозг подложил мне ловушку в виде убеждения, что военный защищает, а не нападает.

Мне было всего восемь, но я поняла, что прямо сейчас случится беда. Я стояла спиной к нему и боялась пошевелиться. Откуда-то сверху на меня спустились огромные руки и начали растёгивать пальто. Я и сейчас помню красное

детское пальто в клеточку, с чёрным меховым воротником. Я была в оцепенении и не пыталась сопротивляться, только просила перестать это делать. Вдруг рука в кожаной перчатке поплыла вверх и нажала кнопку последнего этажа. Лифт вздрогнул и поехал. В этот момент он начал меня душить.

Лифт наконец приехал на двенадцатый этаж, и как только двери открылись, я бросилась бежать. Тусклый неосвещенный холл, закрытые двери тамбуров, длинный коридор, дверь, ещё дверь, общий балкон и лестница. Я побежала вниз по лестнице. Он за мной. Этаж, ещё этаж. Догоняет. И тогда я насколько было сил и воздуха в лёгких крикнула: «Мама-а-а-а!!»

Где-то на 7 этаже он отстал.

Я прибежала на четвёртый, нащупала на шее ключик, зашла домой и зарыдала во всё горло. Не по-детски, отчаянно и безумно. Ко мне подлетел брат, держа в руках ложку и кусочек хлеба, и тупо уставился, не зная что делать. А потом залился громким смехом.

Будучи ребёнком, я не понимала, как можно рассмеяться в лицо, когда человек задыхается и не может вымолвить слова от рыданий. Я сложила руки на шее и пыталась показать, что со мной произошло. Но он только кривлялся и смеялся

надо мной. А потом начал повторять за мной жесты, изображая моё отчаяние. Хотя, если честно, я до сих пор не могу объяснить, почему он так отреагировал. Сколько лет прошло, а я помню эту детскую обиду на брата и состояние вселенского одиночества.

Я забыла эту историю на долгие годы. Но однажды по дороге на работу я увидела человека в военной форме в метро. Я сидела, а он стоял прямо передо мной. Моё лицо оказалось на уровне руки в чёрной перчатке, которая крепко сжимала ручку портфеля. Даже через грохот колёс я услышала хруст грубой солдатской кожи его перчатки. Этот звук перенёс меня туда: в лифт двенадцатиэтажного дома. Я впала в оцепенение ровно так же, как и двадцать лет назад. Ни встать, ни уйти. Воли хватило только посильнее натянула капюшон, чтобы никто не смотрел на мои красные мокрые глаза.

Глава 7

Я рассматривала в зеркало свои красные мокрые глаза. На часах 18:30, значит если он не позвонит сейчас, мы уже точно не увидимся. Целый день я ждала звонка парня, в которого была влюблена.

Мне шестнадцать, он старше меня на пять лет. Мы познакомились, когда я переходила в одиннадцатый класс. Однажды одноклассница зашла ко мне передать книги, которые одолжила ещё весной, а вместе с ней за компанию пришёл её брат с другом. Друга я узнала сразу, он был местной знаменитостью. Он работал диджеем на радио, вёл музыкальную передачу по телевидению, играл на всех возможных инструментах и одевался во все яркое. Помню, как открыла дверь и увидела огромные в чёрном контуре ресниц глаза, испепеляющие меня из под крашенной в бордовый цвет чёлки. И влюбилась моментально.

Спустя пару дней на городской телефон позвонили и спросили Свету. На том конце провода приятный голос радиоведущего пригласил меня погулять. Я была на седьмом небе.

Он знал всё обо всём. Казалось, он прочитал библиотеку Ленина и запомнил каждую страничку. Именно он открыл мне Довлатова и Пелевина. Он дарил мне музыкальные диски и кассеты, а однажды принёс настоящий журнал Rolling Stone из Америки. Он шутил так, что к вечеру у меня болел живот. Мы встречались почти каждый день. А однажды, когда шёл сильный дождь, он пригласил меня в гости.

Его комната была похожа на фойе театра с развешанными по всей стене афишами. Он показал мне самую свежую афишу и сказал, что через две недели будет концерт Red Hot Chili Peppers на Васильевском спуске, и он непременно там будет.

«Поехали со мной на Перцев», – предложил он по пути на кухню. «Нее, меня не отпустят», – ответила я и покраснела. «Сколько же тебе лет?», – спросил он и расплылся в улыбке. «Восемнадцать», – соврала я.

Он ничего не ответил, подошёл и поцеловал меня. С этого дня мы стали гулять за руку.

Однажды в комнату парня заглянула его мама и нежным голоском пропела: «Дети, пошли ужинать!» Эта простая фраза меня уколола прямо в пылающее сердечко. Получается, эта хрупкая женщина с мелодичным голосом так любит

своего сына, что её любви хватает на его друзей, раз она считает их своими детьми.

Мой брат считал его законченным придурком: какой нормальный пацан будет красить волосы в бордовый цвет! Но мне было всё равно на мнение брата, я слушала его бубнёж, быстренько собиралась и бежала на свидания.

И вот я весь день сижу у телефона.

Он давно вернулся с концерта, но почему-то так и не позвонил. Два раза я набирала его номер сама, но от стука сердца в горле, бросала трубку, не дождавшись ответа. Я винила себя за трусость, что не смогла позвонить, ругала себя за липкость и навязчивость, искала причины, почему он пропал. И разревелась. Струны в комнате брата притихли, дверь открылась и я услышала, как после недолгого замешательства в мою сторону зашлёпали тапки. Брат присел на корточки и уставился на меня.

«Я же говорил, что он придурок», – сказал он полушёпотом. Вытер мою мокрую щёку и чмокнул звонко и оглушительно.

А потом мы пошли пить чай, и я рассказывала ему про своего парня. Как он любит музыку, как смешно шутит, ка-

кие фразочки знает и сколько книг он перечитал. Брат улыбался и одобрительно кивал.

В тот вечер перед сном я думала о том, что раньше брат никогда меня не целовал. Ни в праздники, ни при встрече. Наверно, этот жест у телефона был величайшим проявлением его беспокойства обо мне, заботы и поддержки.

Мой друг так и не появился. Потом я узнала от одноклассницы, что он познакомился на концерте с какой-то девушкой, их видели вместе наши общие знакомые. Позже мы с ним несколько раз встречались на концертах и тусовках, и я каждый раз думала о том, что мой брат был прав. Какой же он придурок!

Глава последняя

Стоял тёплый сентябрь. Брат приехал в Москву по делам и остановился у меня переночевать. До этого мы почти не общались и успели стать чужими людьми. Разговор не задался, как только мы встретились. И весь остаток дня мы обменивались дежурными вежливыми фразами, как соседи по плацкарту.

Он сильно похудел. Ремень был застёгнут на последнюю дырочку, а хвостик доходил аж до спины. Щёки провалились, глаза впали, отчего на лице выразительно выступил нос. Синяки под глазами, потрескавшиеся губы, длинные сухие пальцы.

Он съел половину тарелки супа, а к горячему не притронулся. Наелся.

Я постелила ему в гостиной на диване, включила музыкальный канал и ушла за чаем. А когда вернулась, он уже спал. Если бы не высунутая из-под одеяла голова, можно было бы подумать, что на диване никого нет: настолько он было худой, будто растворился и исчез, оставив от себя только выразительный нос.

На следующее утро я приготовила завтрак на двоих: кофе, хлеб с сыром и омлет. Он с причмоком отхлебнул из кружки и сказал: «Твой кофе по вкусу похож на придорожную пыль». И расплылся в потрескавшейся улыбке.

Я спросила: «Похож по вкусу? А ты пробовал придорожную пыль?» Я решила поддержать эту глупую беседу, лишь бы не чувствовать себя пассажиром плацкарта. Он будто подхватил моё настроение и пошёл в атаку. Я смеялась над его издёвками, а он изображал меня с набитым ртом и корчил рожи. После плотного завтрака он собрался и уехал. Я знала, что он тяжело болен.

Больше мы не виделись. Никогда.

Сейчас я почти его не вспоминаю. Только иногда в толпе вижу лицо: вот он спешит на работу среди равнодушных прохожих, едет домой в переполненном автобусе, гуляет с дочкой на детской площадке. А я смотрю и улыбаюсь своим фантазиям и представляю, какой бы он был, если бы жизнь сложилась по-другому. Мы бы собирались по выходным за одним столом, ели и веселились, а потом он играл бы на гитаре своим и моим детям. А иногда под вино мы бы со смехом вспоминали висящий на шторах лимон, кровавую стену и лицо мамы, когда она всё это увидела. Но этому не суждено сбыться. Мы больше никогда не соберёмся за одним столом,

а наши дети не услышат его игру на гитаре.

Иногда я испытываю фантомную боль, тоску по утраченной части меня. Это была моя жизнь, моё детство и юность. И каждый день, каждый месяц и год был связан с этим человеком.

Однажды мама рассказала историю. Когда она была беременна моим братом, и оставалось три-четыре недели до родов, ей стало невыносимо больно. На скорой её привезли в роддом, и там растерянные акушеры приняли решение принудительно рожать. Мой брат появился на свет недоношенным, на восьмом месяце, его ошибочно достали раньше срока. Мама сказала, что он родился не под своей звездой, и поэтому с самого детства вся его жизнь пошла наперекосяк.

У меня дома стоит коробочка с ярлычком «Воспоминания». Там среди выпускных альбомов, старых дипломов, записок и рисунков лежит фотография. На ней стоит мой брат, в дедушкиной куртке, в отцовском шарфе, в хулиганской шапке и с тем самым косоватым прищуром, в который были влюблены девчонки нашего района. Он полон сил и бешеной подростковой энергии. Озорные глаза смотрят прямо и бесстрашно, а впереди целая жизнь. Я бережно храню эту фотографию, я хочу запомнить его таким. И я буду помнить его таким.